

А. Н. Пилясов

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (НА ПРИМЕРЕ ТЕНДОВ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ)

Центр экономики Севера и Арктики АНО «Институт регионального консалтинга»,
Российская Федерация, 117321, Москва, ул. Профсоюзная, 140–1–224

Отход от юридической трактовки суверенитета Арктической зоны РФ позволяет привлечь инструментарий и информационные ресурсы других наук для изучения этого понятия. Автор считает, что экономическая география может внести здесь свой существенный вклад. Экономико-географический подход к проблеме национального суверенитета в Арктике вводит в контекст пространство (суверенитет которого подвергается сомнению), которое атомизируется на микроуровень муниципальных образований (районов и городов) и сельских и городских поселений. Защита их суверенитета связана с реализацией инвестиционных проектов, устойчивым жизнеобеспечением местных сообществ, сохранением традиционного хозяйства и образа жизни, территорий традиционного проживания и природопользования коренных малочисленных народов, постоянной исследовательской (стационарной и экспедиционной) деятельностью на территории. Автор предлагает понимание суверенитета как процесса, который имеет разное значение (изменяется) в конкретные отрезки времени. Этот подход иллюстрируется на примере двух периодов развития Арктической зоны РФ — 2010–2013 и 2014–2017 гг. Первый период можно назвать временем «экзогенного» развития, когда вопрос суверенитета арктических территорий и акваторий России утверждался в координатах активного международного сотрудничества с другими полярными странами на всех возможных переговорных площадках. Во втором периоде весь инструментарий обеспечения арктического суверенитета радикально изменился в сторону внутренней концентрации инвестиций на крупных добычных и инфраструктурных проектах суши и переходной зоны «суша — море» и оборонной мобилизации ресурсов на арктических островах и прибрежных территориях. Библиогр. 17 назв. Табл. 3.

Ключевые слова: суверенитет, тренды развития Арктической зоны РФ, экономико-географический подход, опорная зона Арктики.

A. N. Pilyasov

SOVEREIGNTY AS AN ECONOMICAL AND GEOGRAPHIC PHENOMENON (EMPLOYING TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Center for the Economy of the North and the Arctic ANO "Institute of Regional Consulting",
140–1–224, ul. Profsoyuznaya, Moscow, 117321, Russian Federation

A departure from the legal interpretation of the sovereignty of the Arctic zone of the Russian Federation allows one to draw the tools and information resources of other Sciences into studying this concept. The author believes that economic geography can make a significant contribution. An economic-geographical approach to the problem of national sovereignty in the Arctic puts it in the context of space (the sovereignty of which is questioned), which is atomized on a micro-level of municipalities (districts and cities) and rural and urban settlements. The protection of their sovereignty is connected with the implementation of investment projects, livelihood of local communities, preservation of the traditional economy and way of life, territories of traditional residence and natural use of indigenous peoples, ongoing research (stationary and expedition) activities in the territory. The author suggests an understanding of sovereignty as a process, which has a different value (which changes) in specific periods of time. This approach is illustrated by two periods in the development of the Arctic zone of the Russian Federation: 2010–2013 and 2014–2017. The first period can be called a time of "exogenous" developments, when the question of the sovereignty of the Arctic territories and waters of Russia approved in the coordinates of the active international cooperation with other Arctic countries on all

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

possible negotiating forums. The second period saw a radical change in the entire instrumentation of Arctic sovereignty in favor of domestic investment focus on large mining and infrastructure projects, land and transition zone “land-sea” and defense mobilization in the Arctic Islands and coastal areas. Refs 17. Tables 3.

Keywords: Sovereignty, trends in the development of the Arctic zone, economic-geography approach, support zone of the Arctic.

1. Введение (постановка проблемы)

Традиционная политико-правовая трактовка государственного суверенитета включает независимость (самостоятельность) и верховенство власти страны в ее внешних и внутренних делах (Моисеев, 2009; Бредихин, 2012). Длительное время именно такое определение было доминирующим. Однако в последние годы появились первые осторожные попытки переоткрыть понятие суверенитета (Сергунин, 2010), например на основе концепции эффективного контроля / освоения (Flint and Taylor, 2011).

Реалии современной глобальной экономики и политики, когда какая-либо конкретная страна или ее часть нередко теряла суверенитет либо обретала его очень постепенно, а не одномоментно, заставляют исследователей уходить от очень жесткого (есть — нет) к более пластичному (большая — меньшая степень суверенизации) пониманию этого феномена. Ведь, действительно, разные участки территории даже одной страны могут иметь разные уровни суверенности (что наглядно демонстрирует, например, Китай в своих отношениях с Гонконгом); степень суверенности территории и страны в целом могут существенно различаться в разные периоды времени; защита суверенитета обеспечивается далеко не только усилиями военных и дипломатов, в целом государственных структур «сверху», — огромную роль в этом деле теперь играют исследовательская и предпринимательская активность, гражданские инициативы местных сообществ «снизу» — некоммерческие организации, бизнес-структуры, структуры гражданского общества, совместно придающие динамизм экономическому развитию страны и ее частей.

Все это означает утрату монополии одной науки (в данном случае юриспруденции) на трактовку суверенитета — это понятие становится междисциплинарным и существенно более гибким. Но нас в данной работе интересует потенциал экономико-географического подхода к проблеме суверенитета, раскрываемый на очень благодарном для доказательства этого объекте исследования — новейшем развитии российской Арктики.

Арктике, в силу ее уникальности и неоспоримых радикальных отличий природно-хозяйственных условий от условий умеренной зоны, вполне по плечу инициировать переворот в представлениях общественной науки о суверенитете, прежде всего за счет выхода за традиционные законодательные и геополитические рамки — к междисциплинарной концепции и существенно более динамичной трактовке. В других широтных зонах потребность в такой радикальной ревизии представлений существенно меньше ввиду меньшей скорости происходящих в них природных и экономических изменений и их более слабой взаимной увязки.

Неслучайно во всех арктических национальных стратегиях стран — обладателей крупных массивов арктической суши, а значит и акватории, остро поднимаются вопросы государственного суверенитета над этими пространствами (в наци-

ональных стратегиях меньших по пространствам унитарных стран — Финляндии, Швеции, Норвегии, Исландии — эти темы обычно звучат слабее или не звучат вообще) (Пилясов, 2014).

Сам суверенитет в Арктике, как нигде более, имеет комплексную природу. Например, здесь бессмысленно рассматривать только оборонную, геополитическую составляющую суверенитета (когда армия и флот выступают в качестве его гарантов). Ведь оборонная деятельность здесь теснейшим образом связана с хозяйственной. С одной стороны, отечественный Северный флот обеспечивает сопровождение и охрану новейших шельфовых проектов России в Арктике; с другой стороны, освободившиеся в результате реструктуризации хозяйственной деятельности территории (например, городского округа Воркуты) предлагается передать для дислокации структурам Министерства обороны. Для отстаивания государственного суверенитета здесь мало просто рейдов военно-морского флота, полетов военной авиации, дислокации вооруженных сил. В Арктике необходимо постоянное хозяйственное и исследовательское присутствие, в том числе реализация мегапроектов, экспедиционная активность, наличие постоянных или временных поселений.

Суверенитет всегда тесно связан с проблемами безопасности. Последние пронизывают арктическую экономику просто насквозь, и именно здесь они выходят далеко за рамки традиционной национальной, военной безопасности к локальной безопасности местных сообществ (прежде всего продовольственной и энергетической), без которой не будет гарантирована и «большая» национальная безопасность. Обеспечение безопасности существования местных сообществ в экстремальных природных условиях Арктики с наименьшими затратами, а также экологической безопасности является важнейшим стимулом для инновационных усилий и разработок в области энергетики, связи, транспорта. И проблемы арктической безопасности прямо воздействуют на уровень суверенности Арктической зоны страны. Насколько многомерны эти проблемы — настолько же и многомерна проблема суверенитета арктических территорий.

Основным источником информации для данной статьи послужили ежегодные доклады Экспертного совета по Арктике и Антарктике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ «О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (за 2010, 2012, первую половину 2013 и весь 2013, 2014, 2015 и 2016 гг.), в подготовке разделов которых автор принимал участие, будучи председателем / заместителем председателя экономической секции Совета. Абсолютно разные сюжеты ежегодных докладов, характеризующие текущие вопросы социально-экономического развития Арктической зоны России, могут быть увязаны единой линией — настойчивыми и энергичными усилиями страны укрепить и обеспечить здесь свой суверенитет.

2. Новое экономико-географическое понимание суверенитета: что оно дает российской Арктике?

Суверенитет понимается нами как многомерный пространственно-временной феномен — отстаивание страной своей собственности на участки суши и моря с использованием для этого всех имеющихся у нее в конкретную эпоху политиче-

ских, военных и экономических инструментов влияния, — который развертывается в пространстве (на конкретных его участках) и времени (в его конкретные интервалы). Экономически более развитая страна имеет и более мощный и широкий спектр инструментов и институтов отстаивания своего суверенитета. И наоборот, более экономически слабая страна имеет очень ограниченный ресурс в защите своих суверенных прав.

Понимание суверенитета как процесса, а не как статичного состояния или дискретного результата (обрели — потеряли), привносит важные новые грани в это понятие, позволяя сделать его более пластичным, и увидеть воздействие на него в некой степени (больше — меньше), а не сразу в результате. Нас, экономико-географов, в отличие от юристов, интересует как раз континуальность этого процесса (от большего суверенитета к меньшему и наоборот) и то, как он развертывается на конкретных пространствах страны. Такое понимание обеспечивает захватывающие возможности в перспективе измерять «объем» суверенитета конкретных участков пространства в конкретные отрезки времени.

Например, для российской Арктики ослабление суверенитета может измеряться числом незарегистрированных заходов иностранных морских судов на трассы Северного морского пути или пролетов воздушных судов иностранных государств в российском Заполярье. Другой возможный показатель недостаточности национального суверенитета — контроль кроссполярных перелетов через российскую Арктику. В России этими рейсами управляют диспетчеры в Мурманске и Магадане, однако весь обмен информацией в системе «борт — земля — борт» замкнут на центр управления полетами, находящимся в США (Аннаполис, штат Мэриленд). То есть фактически услугу по аэронавигационному обеспечению полетов авиакомпании получают из США (О состоянии и проблемах..., 2012).

Показателем остроты проблемы суверенитета может быть число претензий, которые предъявляются на участки акватории или территории. В случае морской акватории в районе хребтов Ломоносова и Менделеева претензии предъявляют одновременно Дания и Канада, и здесь проблема оспариваемого национального суверенитета стоит острее, чем при российско-норвежских прежних спорах по «серой зоне» в Баренцевом море. Но важно не просто число стран-игроков, предъявляющих претензии на участки акватории или территорию, — не менее значима экономическая сила участника спора, определяющая его политическое и экономическое влияние в мире. Чем мощнее игрок, оспаривающий статус-кво, там острее становится проблема суверенитета для страны-противника.

Экономико-географический подход (Четыркин, 1960; Колосовский, 1969; Космачев, 1974; Баранский, 1980; Маергойз, 1986; Алаев, 1983)¹ к проблеме суверенитета Арктической зоны России вооружает нас спецификой понимания свойств пространства и того, как эта специфика воздействует на обеспечение суверенитета. Различное экономико-географическое положение (ЭГП) конкретных участков российской территории напрямую сказывается на остроте проблем суверенитета.

В целом все окраинные территории России уязвимы с точки зрения необходимости обеспечивать и доказывать их суверенитет перед соседними государствами.

¹ Особенности подхода отчетливо сформулированы в основополагающих монографиях классиков советской и российской экономической географии.

Однако внутри них существуют значительные различия в остроте этого вопроса, например между «континентальным» Севером и «приморской» Арктикой. Для Севера России (например, Республики Коми, Эвенкийского муниципального района) вопросы суверенитета не стоят так остро, как для морской Арктики (например, Чукотского АО), потому что заполярные территории естественным образом «продолжаются» в арктические акватории, а последние постепенно переходят уже в юрисдикцию другого государства или морские пространства международной юрисдикции. Вот эта сравнительная быстрота перехода участков арктической суши России в акваторию под юрисдикцией другой страны или в международную зону составляет ключевую особенность экономико-географического положения арктических территорий с точки зрения проблем суверенитета.

Другая экономико-географическая особенность Арктики состоит в своеобразии институциональной структуры экономики, которая отчетливо видна в сравнении, например, с соседней зоной Севера. В экономике Арктики, в арктических регионах достоверно чаще представлены крупные корпорации, чем на Севере. Это явно обнаруживается при сравнении структуры источников инвестиций в Арктике и на Севере. В структуре инвестиций многих арктических регионов — Мурманской обл., Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, Норильском промышленном районе, Республике Саха (Якутия) в целом — доминируют собственные средства предприятий. При этом в районах Севера и приравненных к ним местностях институциональная структура инвестиций более дисперсная, не такая концентрированно-корпоративная, как в Арктике. Поэтому и структура источников инвестиций не обнаруживает абсолютного доминирования средств крупных компаний.

Но присутствие крупных компаний с точки зрения экономической географии означает совершенно другую систему расселения, чем на Севере и в центральной России: в ней представлены крупные, средние и малые промышленные города и монопрофильные поселки (классический пример — Мурманская обл. и Ямало-Ненецкий АО), стационарные и вахтовые. На Севере же, при прочих равных условиях, более многочисленны агропромысловые села, административные районные центры и сервисные поселки (дорожные, ремонтные, строительные).

Арктическая система расселения по сравнению с северной в целом более городская, более концентрированная, более промышленная и менее стационарная. Такая отчетливая ее «форпостность» с точки зрения национального суверенитета позитивна — но ведь и само присутствие здесь крупных экономически мощных структур-суперорганizations и производная от них арктическая система расселения исторически создавались здесь с прицелом «держать» национальный суверенитет.

Другая экономико-географическая особенность суверенитета арктических территорий (повсеместно, и не только в России) состоит в его фронтальном характере: суверенитет страны в Арктике всегда утверждают открытия первопроходцев. Именно Арктика, как территория открытий, утверждается в качестве суверенной территории страны на пассионарной энергии первопроходцев, первостроителей, их способности рисковать для утверждения приоритета национального флага. Может возникнуть вопрос: а пионерное освоение северной тайги разве не требует пассионарной энергии, способности рисковать? Безусловно, требует, но в «драматургии» северного освоения нет императива суверенитета! Он возникает именно в Арктике.

Экономико-географическая трактовка арктического суверенитета означает увязку его защиты с вопросами размещения производительных сил и реализацией крупных хозяйственных проектов. В советское индустриальное время суверенитет Арктики утверждался путем развертывания здесь крупных народнохозяйственных комплексов. И совершенно не случайно они возникли именно на крайнем западе (в части европейской Арктики, относящейся к Мурманской обл.), на крайнем востоке (в части азиатской Арктики, относящейся к Чукотскому АО) и в срединной Арктике (в Норильском промышленном районе, на п-ове Таймыр). В эпоху СССР существовало три индустриальных центра защиты суверенитета страны в Арктике: мурманский, чукотский и таймыро-норильский. А между ними — «провалы» — территории, для которых не было такой острой потребности в защите национального суверенитета, экономическом его подкреплении, они и так были «прикрыты» другими частями страны.

В современных условиях новой индустриализации Арктики суверенитет ее территорий опять обеспечивается путем реализации здесь крупных инвестиционных проектов национального и мирового значения, которые способствуют концентрации здесь значительных человеческих, вещественных, информационных и энергетических ресурсов. Неудивительно, что в трех из четырех рассмотренных нами (с 1998 г.) версиях законопроекта «Об Арктической зоне Российской Федерации» провозглашалась необходимость льготной кредитной, тарифной и инвестиционной политики для хозяйствующих субъектов в Арктической зоне. Разные разработчики с интервалом в 14 лет обращались к идее создать в Арктической зоне привлекательные условия для инвесторов, для инвестиционных проектов через инструменты Федерального закона. Обеспечивая инвестиционную привлекательность Арктики, они работали и на укрепление ее суверенитета.

Абсолютно закономерно, что само упоминание этих масштабных проектов в рамках идеи «опорных зон Арктики» на площадке архангельского форума «Арктика — территория диалога» в марте 2017 г. вызвало «ревность» других крупных арктических федераций (США и Канады), которые восприняли стремление нашей страны хозяйственно вернуться в российскую Арктику как угрозу своим собственным претензиям на эти территории и акватории. Например, О. Янг, крупнейший политолог США в сфере арктического региона, выразил скепсис по поводу ближайших ресурсных перспектив глобальной Арктики следующими словами: «По всем направлениям экономического развития ожидаю очень слабый рост».

Безусловным лидером в закреплении суверенитета России в Арктике крупными инвестиционными проектами является Ямало-Ненецкий АО: треть стратегических проектов российской Арктики приурочены к Ямалу. Крупнейшие среди них — строительство завода «Ямал-СПГ» и порта «Сабетта», строительство первой концессионной железной дороги в России «Северный широтный ход», освоение шельфовых месторождений углеводородов на юге Карского моря.

С точки зрения утверждения суверенитета страны в Арктике возрастает значение сервисных проектов. В этом состоит новизна природы современной индустриализации. Арктике нужны телекоммуникационные сети по побережью, эффективная полярная гидрография для лоцманской проводки судов по трассе Северного морского пути и др. В этом смысле и сам ледокольный флот, и весь сопровождающий арктическую навигацию полярный сервис являются гарантами российского суверенитета в Арктике.

Экономико-географический подход обеспечивает понимание существенной неоднородности арктического пространства России с точки зрения защищенности (бесспорности) их суверенитета от внешних угроз. Традиционно суверенитет понимался как присущий стране в целом, и даже упоминание о различиях в степени суверенности разных участков российского пространства воспринималось как угроза целостности государства. Но правда жизни состоит в том, что уязвимость разных участков российского пространства в спорах по принадлежности тому или иному государству различна.

Экономико-географический подход позволяет понять вариабельность степени суверенности пространств российской Арктики в различные этапы их освоения. Без этого, например, невозможно понять различия в приемах коллективизации в Чукотском и Ямало-Ненецком автономном округах. Приграничный статус Чукотки вынудил проводить здесь коллективизацию в 1930-е гг. предельно быстро и жестко. При этом на Ямале, для которого вопросы геополитической принадлежности никогда не стояли, коллективизация проходила в течение десятилетий, но еще и в конце советского времени доля общественных хозяйств в сфере оленеводства здесь была беспрецедентно низкой по сравнению с другими арктическими территориями (в том числе Чукотки).

Однако не только пространство, но и время неоднородно с точки зрения остроты проблемы обеспечения суверенитета арктических территорий. Например, в позднесоветский послевоенный период вопросы суверенитета арктических территорий СССР практически не оспаривались и не обсуждались. Поэтому все существовавшие конфликтные вопросы (с Норвегией — по «серой зоне» в Баренцевом море, с США — по спорным территориям в Беринговом проливе) были заморожены на неопределенную перспективу. Однако договор Бейкера — Шеварднадзе (1990 г.) разграничил акваторию Берингова моря и привел в движение этот процесс в последовавшие десятилетия. Дальнейшие события (добровольный отказ России от секторального деления Арктики и от своего суверенитета на обширные участки морской акватории у Северного полюса; заключение соглашения с Норвегией по спорным участкам в Баренцевом море; сбор доказательной базы в районах поднятий Ломоносова и Менделеева для установления их российской принадлежности; наконец, санкции западных стран в 2010-х гг.) еще больше обострили проблемы арктического суверенитета России.

Огромную роль в обеспечении суверенитета в Арктике играет демография. Все разговоры о необходимости тотального перехода к вахтовой модели освоения российской Арктики, о перенаселенности этих территорий и необходимости «разгрузить» уже созданную здесь сеть населенных мест не учитывают специфику проблем арктического суверенитета. Опустынивание этих пространств, давно и прочно заселенных, угрожает подрывом российского суверенитета. Это обычно происходит не вдруг, как в прошлые эпохи, путем завоевательных войн, это случается «ползуче», путем постепенной утраты населения или путем замещения автохтонного населения новым, которое обладает демографическими преимуществами в уровне рождаемости над местным населением (пример — Косово в Сербии), утраты контроля страны над своими окраинами.

Заселение пространства Арктики — это тоже сюжет экономической географии. Наши зарубежные коллеги отмечают, что в последние годы мировая Арктика прошла

реперную точку, после которой население российской Арктики уже более не формирует большинства населения циркумполярной зоны, и в 20-летнем демографическом прогнозе именно Россия вносит основной вклад в общее уменьшение численности населения глобальной Арктики (Arctic Human Development Report..., 2015).

Ключевой вопрос перелома данной ситуации связан с привлечением и удержанием молодых талантов, квалифицированных и компетентных кадров в регионах российской Арктики. Меры, которые предлагаются в докладах Экспертного совета, включают восстановление права для лиц моложе 30 лет на получение процентной надбавки к заработной плате в полном объеме с первого года работы, если они проживали перед началом трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях не менее 5 лет (О состоянии и проблемах..., 2013); предоставление налоговых и страховых льгот, особой материальной поддержки молодых семей в Арктике; компенсации затрат, связанных с переездом и проживанием здесь молодежи, в том числе предоставление льготной ипотеки для молодежи со стажем работы на Севере; наконец, укрепление местных арктических университетов и колледжей, позволяющих на местах получать здесь же востребованные профессии; особую поддержку молодежного арктического предпринимательства.

Традиционный аппарат экономической географии, включающий понятия экономико-географического положения, территориальных структур освоения, территориальных хозяйственных комплексов, систем расселения, размещения произво-

Таблица 1. Различия политико-правового (геополитического) и экономико-географического подходов к вопросам национального суверенитета

Политико-правовой, геополитический («внешняя» трактовка суверенитета)	Экономико-географический («внутренняя» трактовка суверенитета)
Однозначно определяется верховной властью государства, вклад местных властей в обеспечение суверенитета не рассматривается (только национальный суверенитет)	Огромное значение придается конкретной работе региональных и муниципальных властей в укреплении национальных интересов на своем участке государственного пространства (национальный суверенитет тесно зависит от «локального» суверенитета отдельных уязвимых участков страны)
Внутренняя структура рассматриваемой государственной системы по умолчанию полагается неизменной	Сдвигами во внутренней структуре государственной системы (экономические, демографические, политические и др.) на национальном и местном уровнях определяются и новые риски, и новые возможности для укрепления суверенитета страны
Сила суверенитета преимущественно увязывается с военной мощью государства и военным присутствием в приграничных районах	Значительная роль в обеспечении суверенитета принадлежит экономической мощи страны и ее научно-технической, инновационной деятельности
Понимается как целостный государственный феномен, без атомизации его на отдельные участки национальной территории	Признаются значительные различия в степени защищенности национального суверенитета на различных территориях страны
Изменения суверенитета во времени рассматриваются в координатах «есть — нет», т. е. дискретно	Изменения суверенитета во времени рассматриваются в координатах «больше — меньше», на конкретных участках территории страны
Асимметричная трактовка суверенитета: исключительно с позиции угроз и его утраты	Сбалансированная трактовка суверенитета: действие экономико-географических факторов рассматривается в контексте и угроз суверенитету страны, и его укрепления

Таблица 2. Экономико-географические факторы национального суверенитета и специфика Арктики

Экономико-географическое понятие, узловая концепция	Применимость к изучению национального суверенитета	Специфика Арктики
Экономико-географическое положение	Определяет подверженность территории угрозам суверенитета, уязвимость и способность его успешно защищать	Значительное воздействие морской составляющей на ЭГП: международного правового режима арктической акватории, степени урегулированности вопросов разграничения морских пространств при близком расположении с другими арктическими странами, особый (недоопределенный) статус некоторых арктических островов и участков околополюсной акватории
Территориальная структура хозяйства	Определяет напрямую (через коммуникационные сети) систему расселения и транспортную структуру пространства, а также косвенно (через институциональную и организационную структуру экономики) — реальных местных экономических акторов, способных защищать интересы страны своей хозяйственной деятельностью на территории, влиять позитивно или негативно на ее суверенитет	Корпоративная структура арктической экономики определяет значимую роль в утверждении суверенитета крупных хозяйственных структур государственной, смешанной и совместной с иностранным инвестором собственности и реализуемых ими мегапроектов. Трассы, система расселения, сети постоянных и кочевых поселений играют в условиях Арктики роль защиты (охраны) суверенитета страны
Экономическое районирование, зонирование, пространственная дифференциация территории	Определяет территории разного экономического потенциала и, следовательно, способности противостоять внешним угрозам (национальному суверенитету)	Самая крупная пространственная дифференциация Арктической зоны — на относительно защищенную хозяйственной и транспортной активностью западную часть и не вышедшую из долговременной стагнации восточную (восточнее Диксона) часть СМП и арктической суши
Хозяйственное освоение территории	Определяет воздействие (влияние) цикла хозяйственного освоения и его конкретных стадий на защиту национального суверенитета	Проблемы обеспечения суверенитета вновь осваиваемых территорий п-вов Гыдан и Ямал, арктической Якутии, Ненецкого АО, а также шельфа Карского и Печорского морей фундаментально отличаются от таковых для территорий старого освоения (Мурманской обл., Норильского промышленного района, Чукотского АО) по применяемым институциональным инструментам и организационно-финансовым механизмам. Чем «моложе» хозяйственное освоение территории, тем больше роль крупных корпоративных структур в обеспечении ее суверенитета, и наоборот

Экономико-географическое понятие, узловая концепция	Применимость к изучению национального суверенитета	Специфика Арктики
Территориальная общность людей	Определяет связь специфических свойств / характеристик местного сообщества и способности защитить суверенитет страны на конкретном участке ее территории	В условиях Арктики роль местных сообществ и их безопасности в обеспечении «большого» суверенитета страны беспрецедентно велика в силу значительных размеров многих заполярных муниципальных образований, а также в силу редкого размещения стационарных поселений в условиях Арктики. Каждое береговое поселение здесь вынужденно выполняет помимо классических еще и форпостную роль. Спецификой Арктики является также значительная роль нестационарных поселений (вахтовых поселков, кочевых стойбищ оленеводов) в обеспечении постоянного присутствия страны на арктических пространствах

дительных сил, который обеспечивает изучение специфических свойств конкретного пространства, можно конструктивно применять для диагностики состояния и динамики «защищенности» отдельных территорий Арктической зоны России. Безусловное преимущество, которое он обеспечивает по сравнению с классическими правовым (геополитическим) подходом к суверенитету, состоит в возможности отслеживать динамику этого процесса на отрезках времени и участках пространства; погрузить ранее считавшуюся исключительно юридической проблематику суверенитета в свойства конкретного пространства, от которых оно нерасторжимо зависит; увидеть пути государственного управления этим процессом, позитивно воздействовать на него — вместо того чтобы просто констатировать уже полученный негативный результат. Обобщение отличий экономико-географической трактовки национального суверенитета от классической политико-правовой приведено в табл. 1 и 2.

3. Два периода развития российской Арктики — два разных инструмента защиты суверенитета

Для анализа основных тенденций в развитии российской Арктики выбран период с 2010 г., когда был создан новый институт — Экспертный совет по Арктике при Председателе Совета Федерации (в дальнейшем — Совет по Арктике и Антарктике). Ежегодные доклады Совета стали нашим главным информационным материалом для диагностики новейшего развития Арктической зоны России с точки зрения решения задачи укрепления ее суверенитета.

Анализ семи докладов Совета по Арктике и Антарктике позволяет обособить два периода, когда проблема суверенитета арктических территорий понималась и решалась абсолютно по-разному: экзогенно (2010–2013 гг.) и эндогенно (2014–

2016 гг.). Любопытно, что и многие показатели официальной статистической отчетности подтверждают это эмпирическое обобщение.

На базе региональной статистики Росстата мы отобрали несколько показателей (табл. 3), которые наглядно фиксируют результаты изменения государственной политики в социально-экономическом развитии арктических регионов России. Для целей анализа были взяты целиком арктические Мурманская обл., Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также Архангельская обл.² и Республика Саха (Якутия) целиком (последняя имеет обширные площади и арктических, и северных территорий). В 2010–2016 гг. Росстат часто изменял методологию расчета показателей, поэтому от ряда индикаторов, очень информативных и явно доказывающих наличие двух разных периодов в решении проблем суверенитета, пришлось в итоге отказаться³. Показатели для каждого периода рассчитывались как среднее арифметическое из показателей за все входящие в период годы. В случае, когда данные за какой-либо год отсутствовали в динамических рядах, рассчитывалось среднее арифметическое из данных, имеющих за годы наблюдений.

О чем свидетельствуют отобранные четыре показателя (см. табл. 3)? Действительно, в рассматриваемые два периода характер развития арктических территорий России существенно различался. Практически во всех регионах от первого ко второму периоду возросла доля собственных источников инвестиционной политики (средств самих предприятий, а не бюджетных и банковских). Радикально сократилось число иностранных граждан, которые получили официальное разрешение на работу в арктических регионах России. Конечно, это явление стало результатом намеренной федеральной политики и было характерно не только для арктических территорий страны, но нас в данном случае интересует сам факт статистического подтверждения нашей гипотезы о внутреннем «сосредоточении» России в Арктике после прежнего периода активного «сеяния» инициатив международного сотрудничества и партнерства. Ситуация по официально фиксируемому экспорту⁴ из арктических регионов в страны Дальнего Зарубежья была более противоречивой: в Мурманской обл. и Республике Саха (Якутия) он не слишком сильно возрос, в остальных наблюдался его сильный спад. По импорту везде (кроме Ямало-Ненецкого АО, в котором при активном международном сотрудничестве и поставках реализовывались крупный проект «Ямал-СПГ» и строительство порта «Сабетта») произошло снижение объемов (в Чукотском АО — стабилизация).

Первый период можно назвать временем «экзогенного» развития, когда вопрос суверенитета арктических территорий и акваторий России утверждался в координатах активного международного сотрудничества с другими приполярными странами на всех возможных переговорных площадках, таких как Арктический совет, Баренц-регион, Университет Арктики, Совет парламентариев арктиче-

² Ввиду того, что отдельная статистика по Архангельской обл. ведется только с 2013 г., решено было для сопоставимости рассматривать ее вместе с Ненецким АО.

³ Например, в 2015–2016 гг. менялась методология учета организаций с участием иностранного капитала; с 2014 г. изменилась методология расчета объема прямых иностранных инвестиций; а за 2016 г. нет данных о числе соглашений по экспорту / импорту товаров и услуг технического характера.

⁴ В эти данные не включены некоторые существенные товарные группы, которые проходят через таможенную статистику Москвы или Санкт-Петербурга.

Таблица 3. Статистические показатели развития арктических регионов в 2010–2016 гг.

Регион	«Экзогенный этап» (2010–2013 гг.)	«Эндогенный этап» (2014–2016 гг.)
Доля собственных средств организаций в инвестициях в основной капитал в регионе, %		
Мурманская обл.	41,8	51,0
Архангельская обл. (с Ненецким АО)	40,3	44,5
<i>В том числе Ненецкий АО</i>	59,3	53,2
ЯНАО	26,0	32,8
ЧАО	20,4	26,2
Республика Саха (Якутия)	44,2	52,0
Число иностранных граждан, которые получили официальное разрешение на работу в России, чел.⁵		
Мурманская обл.	1 545	708
Архангельская обл. (с Ненецким АО)	2 393	1 058
<i>В том числе Ненецкий АО</i>	1053	524
Ямало-Ненецкий АО	21 056	12 860
Чукотский АО	1 093	591
Республика Саха (Якутия)	8 801	4 293
Экспорт в страны Дальнего Зарубежья, млрд долл.		
<i>Мурманская обл.</i>	2,1	2,2
Архангельская обл. (с Ненецким АО)	3,7	2,1
<i>В том числе Ненецкий АО</i>	1,8	0
Ямало-Ненецкий АО	2,1	1,0
Чукотский АО	0	0
<i>Республика Саха (Якутия)</i>	4,1	4,4
Импорт из стран Дальнего Зарубежья, млрд долл.		
Мурманская обл.	0,6	0,4
Архангельская обл. (с Ненецким АО)	0,2	0,1
<i>В том числе Ненецкий АО</i>	—	—
<i>Ямало-Ненецкий АО</i>	0,3	2,0
Чукотский АО	0,1	0,1
Республика Саха (Якутия)	0,2	0,1

Источники: региональная статистика Росстата за 2010–2016 гг.

ских стран и др. В этот период в Арктическом совете председательствовали Дания (2009–2011 гг.) и Швеция (2011–2013 гг.), настроенные на постоянный поиск консенсуса между приполярными странами даже в спорных вопросах. Именно на эти годы пришлось радикальное расширение состава наблюдателей в Арктическом совете (крупнейшие мировые экономические игроки — Китай и Европейский союз — вошли в этот круг). Новые участники никогда не подвергали сомнению сложившийся российский суверенитет на арктическую территорию и были лояльно настроены к стремлению России расширить свою акваторию за счет областей шельфа, примыкающих к хребтам Ломоносова и Менделеева.

⁵ Ввиду отсутствия данных за 2016 г. произведен расчет среднего из значений 2014 и 2015 гг.

В это время активно росли международные транзитные транспортные перевозки по трассе Северного морского пути (и даже возникла иллюзия, что они в перспективе составят до четверти всего транспортного потока). Под несомненным влиянием этого факта был принят Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути», в котором были введены новые понятия — акватория (а не трасса) Северного морского пути и ледовая лоцманская проводка, — ориентированные гармонизировать российские нормы и правила арктической навигации с международными. И возникло даже искушение у ряда экспертов МИДа и федеральных законодательных органов заменить термин «национальная транспортная магистраль» на «транспортная магистраль», открывающий дорогу интернационализации Северного морского пути. К счастью, оно не было поддержано в принятом Федеральном законе. Стремление максимально содействовать международному транзиту стало безусловным приоритетом и в деятельности Минтранса России и воссозданной в 2013 г. Администрации Северного морского пути, призванной создавать доброжелательный сервис для перевозчиков по трассе (разрабатывать маршруты плавания судов, оказывать информационные услуги и др.).

В этот период, спустя 10 лет после первого доклада о социальном развитии Арктики (Arctic Human Development Report), многочисленная команда международных экспертов подготовила второй доклад, в котором приоритетное развитие получили темы глобализации в Арктике, новой роли Китая и роли международного сотрудничества в целом в Заполярье. Все это объясняет, почему утверждение национального суверенитета в этот период Россия искала прежде всего на путях международного сотрудничества со всеми заинтересованными участниками.

Второй период начался с 2014 г., когда были объявлены первые приуроченные к событиям в Крыму и на Украине антироссийские санкции США, Канады и Европейского союза. Он стал временем внутреннего сосредоточения — эндогенизации — в российской Арктике. Деятельность Арктического совета, которая в прошлый период проходила под знаком доброжелательной лояльности к российским суверенным правам в Арктике, в 2013–2015 и 2015–2017 гг. (когда Совет возглавляли соответственно Канада и США) становилась нередко источником напряженности и нового беспокойства для России с точки зрения обеспечения ее суверенных прав в Арктике. Уже в 2014 г. существенно, в 4 раза, упала доля международных транзитных перевозок по трассе СМП, на который в предыдущий период делалась значительная ставка в институциональных и политических усилиях России.

Под вынужденным влиянием неблагоприятной мировой политической конъюнктуры в это время радикально изменились акценты в арктической политике России: если раньше обеспечение суверенитета утверждалось на площадках международного сотрудничества полярных стран, то теперь в большей степени — во внутренней работе по инвестиционным мегапроектам Арктики и возвращении структур Министерства обороны на арктические острова и другие места прежней дислокации, существовавшей с советского времени (но при абсолютно новом уровне систем жизнеобеспечения военных).

Мегапроекты в Арктике всегда укрепляли суверенитет России над этими территориями. Но если раньше, в советское время, его обеспечивали финансируемые

государством инфраструктурные и добычные проекты, то теперь, в условиях глобализации, крупные проекты в Арктике софинансируются вместе с Россией государственными китайскими инвесторами: китайский Фонд шелкового пути стал инвестором проекта «Ямал-СПГ», а китайская инвестиционная компания Poly Group стала единственным инвестором проекта строительства железной дороги «Белкомур»⁶. Государственный суверенитет России в Арктике укрепляется в новых условиях через формирование здесь новой системы опорных мегапроектов, в том числе за счет китайских государственных инвестиций. Этот процесс радикально ускорился после принятия западными странами антироссийских санкций в 2014 г.

Другие факторы, которые определили пространственное смещение акцентов в вопросах арктического суверенитета с 2014 г. с морской акватории на сушу, — радикальное снижение мировых цен на нефть и газ под влиянием «сланцевой революции» в США и превращение этой страны в лидера мировой добычи нефти (а скоро — и газа). В таких условиях большинство арктических шельфовых проектов России оказывается либо нерентабельными, либо на грани рентабельности.

На трассе Северного морского пути укрепление национального суверенитета стало связываться с внутренним каботажем и ростом объемов перевозок в рамках новых добычных мегапроектов, а в долгосрочной перспективе — с контейнерными перевозками. На нескольких заседаниях Совета по Арктике и Антарктике в эти годы обсуждались проекты создания контейнерных терминалов для СМП в портах-хабах Петропавловска-Камчатского и Мурманска.

Именно в этот период произошло знаковое событие: в 2016 г. объемы перевозок (достигшие 7,3 млн т) по трассе СМП превзошли максимальный уровень советского времени, который был отмечен в 1987 г. За счет ввода в действие порта «Сабетта» и проекта «Ямал-СПГ», проекта разработки угольного месторождения «Тайбасс» и вывоза каменного угля из Диксона, продолжения деятельности новых морских месторождений «Варандей» и «Приразломное» к 2025 г. ожидается, что объем перевозок по трассе СМП (в западной его части) превысит 50 млн т (О состоянии и проблемах..., 2016).

Активная транспортировка грузов по трассе СМП жизненно необходима России не только как способ удовлетворить объективные потребности хозяйствующих субъектов в вывозе продукции на европейские и азиатские рынки, но и как демонстрация присутствия страны в абсолютно «безлюдной» после советского времени акватории. Но если западный сектор СМП «прикрыт» сетью крупных по арктическим меркам городов-портов (Мурманск, Архангельск, Нарьян-Мар и Дудинка) и динамично растущими объектами грузопотока, то в восточном секторе за Норильском нет вообще никаких крупных поселений, а транспортная работа за годы реформы упала в десятки раз и не восстановилась до настоящего времени. И вот как обеспечивать здесь, на этом участке трассы, стратегически важное постоянное присутствие России — не только военными, но и гражданскими структурами — это вопрос вопросов.

Новый курс обеспечения национального суверенитета в Арктике за счет внутренней концентрации, естественно, потребовал создания новых институтов

⁶ Ее проект обсуждался более 20 лет, основным тормозом в реализации было отсутствие инвестора.

(норм регулирования и структур). Указом Президента РФ был зафиксирован сам перечень арктических территорий (как можно обеспечивать суверенитет того, что не определено официально?)⁷, утверждена Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»⁸ — без государственного финансирования, но с перечнем проектов арктической зоны, которые реализуются по каналам отраслевых программ и обеспечивают суверенитет России на этих пространствах.

В 2015 г. была создана Государственная комиссия по вопросам развития Арктики⁹, призванная улучшить межведомственную координацию в вопросах реализации мероприятий Государственной программы, укрепления кадрового потенциала в районах Арктики, устойчивого и комплексного развития СМП, обеспечения экологической безопасности в Арктике и др. Ввиду того что курировать ее стал заместитель председателя Правительства РФ по вопросам обороны Д. О. Рогозин, можно сказать, что именно на Государственной комиссии лежит теперь коллективная ответственность за укрепление суверенитета России.

Важной инновацией стала предложенная в новом законопроекте «О развитии Арктической зоны РФ» идея опорных зон (кольской, архангельской, ненецкой, ямальской, таймырской, северо-якутской, чукотской, воркутинской) как локализованного комплекса инвестиционных проектов, способных обеспечить синергетический эффект в развитии различных участков территории Арктики. Подробный анализ данного института дан в работах наших коллег (Лаженцев, 2015; Смирнова и др., 2016).

Важно отметить усилия по созданию условий для государственной поддержки Арктики через территориально локализованные сочетания предприятий, а не по отраслевому принципу, который противоречит требованиям ВТО и вообще в современной промышленной политике развитых государств выглядит уже просто анахронизмом прошедшего периода индустриализации. Предполагается реализовать этот подход и в новой редакции Госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». К развитию предприятий опорных зон Арктики предлагается привлечь машиностроительные предприятия более южных территорий России, для чего Минпромторг России выпустил Каталог промышленной продукции предприятий федеральных округов для Арктической зоны Российской Федерации.

Во всех этих усилиях для нас важно отметить, что обеспечение национального суверенитета в Арктике видится теперь как результат внутренней концентрации на локализованных площадках реализации новых проектов в самой Арктической зоне, а также как результат «подтягивания» к арктическим опорным зонам предприятий-лидеров остальной России. А институты для такой концентрации предлагается не изобретать специально для Арктики, но переносить как оправдавшие

⁷ Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, в том числе Указ Президента РФ от 27 июня 2017 г. № 287 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»).

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации № 366 г от 21 апреля 2014 г.

⁹ Постановление Правительства РФ от 14 марта 2015 года № 228, распоряжение от 14 марта 2015 года № 431-р.

себя передовые практики из других регионов и федеральных округов России. Например, на многих конференциях обсуждается тема распространения режима специального инвестиционного контракта (СПИК) на Арктическую зону и режима территорий опережающего социально-экономического развития на Арктическую зону не с 2020, как разрешает закон, а с 2017 г., а также распространения режима свободного порта с Владивостока на арктические порты Мурманск, Архангельск и Дудинка.

Если на первом этапе суверенитет Арктики России искался «вовне», экзогенно, в сотрудничестве с другими полярными странами и в уходе к освоению арктического шельфа, то на втором этапе произошло радикальное изменение всего инструментария обеспечения арктического суверенитета — в сторону более привычной еще с советского времени внутренней инвестиционной концентрации на крупных добычных и инфраструктурных проектах суши и переходной зоны «суша — море» и оборонной мобилизации на арктических островах и в других местах прошлой дислокации Вооруженных Сил России в Арктике. Это обеспечивает применимость классического советского инструментария экономической географии (системы базовых понятий, подходов, концепций) к изучению вопросов суверенитета. Конечно, с поправкой на перемены, связанные с уходом от технологий поздней индустриализации к технологиям к приемам освоения современной инновационной модернизации страны и ее Арктики.

4. Заключение

Расширение классической политико-правовой трактовки национального суверенитета и выход на понимание его как экономико-географического процесса открывает захватывающие исследовательские перспективы именно для российской Арктики. Появилась возможность дифференцировать развитие этого феномена на конкретных, однородных с точки зрения потенциала суверенности, пространствах (провести районирование) и обособить однородные отрезки времени с точки зрения применяемых инструментов обеспечения суверенности (провести периодизацию).

Экономико-географический подход к проблеме национального суверенитета вводит в контекст пространство (суверенитет которого подвергается сомнению), которое атомизируется на микроуровень муниципальных образований (районов и городов) и сельских и городских поселений. Защита их суверенитета связана с реализацией инвестиционных проектов, устойчивым жизнеобеспечением местных сообществ, сохранением традиционного хозяйства и образа жизни, территорий традиционного проживания и природопользования коренных малочисленных народов, постоянной исследовательской (стационарной и экспедиционной) деятельностью на территории.

Экономико-географическое понимание обеспечения суверенитета позволяет разработать систему показателей, характеризующих вариабельность данного феномена во времени и пространстве российской Арктики. Уже абсолютно очевидно, что весомую роль в этой системе будут иметь не только макропоказатели для всей Арктической зоны, но локальные показатели жизнеобеспечения и тонуса развития конкретных местных сообществ, тесно связанные с многогранно понимаемым процессом безопасности их развития.

Суверенитет как экономико-географический процесс обеспечивается усилиями разных уровней компетенции: федеральным, региональным и местным. В условиях Арктики, где отдельные муниципальные районы имеют значительную площадь, огромную роль в поддержании суверенитета играют местные сообщества и органы местного самоуправления. Их продовольственная и энергетическая безопасность напрямую работает на обеспечение и национального суверенитета страны на этих отдаленных от центра пространствах.

Значительная нагрузка в защите суверенности Арктической зоны России теперь приходится на предприятия очень широко и системно понимаемого арктического (производственного) сервиса — научного (геологоразведка, картография и др.), ресурсного, климатического, гидрографического, в целом навигационного, особенно важного и значимого для Арктики, транспортно-логистического (в арктических портах). Именно сервис выступает теперь интегратором активности даже естественно конфликтующих друг с другом предприятий морской нефтегазовой и рыбохозяйственной отраслей — через предоставляемые им общие услуги космической съемки, картирования, гидрографических исследований, нужных и рыбакам, и нефтяникам.

Разные формы и приемы освоения Арктики с точки зрения защиты суверенности абсолютно неравноценны. Например, мобильная платформа на шельфе в этом смысле «слабее» охраняет суверенитет страны, чем намытый искусственный остров, с которого идет добыча. В целом сухопутные способы и формы добычи природных ресурсов Арктики всегда «прочнее» обеспечивают суверенные права страны на участки пространства, чем морские.

В последние годы, на этапе внутренней концентрации России в Арктике, возникла новая реальность «консорциумной Арктики». Речь идет о формировании интеграционных структур, увязывающих интересы отдельных экономических игроков в Заполярье. Консолидация хозяйственных структур в Арктике прямо укрепляет суверенитет России в этой зоне, потому что обеспечивает здесь присутствие на постоянной основе авторитетных государственных и корпоративных акторов.

Всегда существовавшие различия уровней хозяйственной освоенности европейской и азиатской Арктики России за последние 25 лет приобрели просто кричащий характер и требуют безотлагательных действий в формировании здесь новых центров гражданской и оборонной активности, новых центров экономического развития. В условиях, когда нашу страну нередко упрекают в неумении распоряжаться своими пространствами, такая степень недоосвоенности, пустынности на обширном арктическом фасаде России становится угрозой для сохранения суверенитета.

Пробелы федерального законодательства, остро ощущаемые в каждом российском регионе, в Арктике обретают новое звучание в свете ослабления суверенитета России. Федеральные законы и другие нормативные правовые акты по Арктике относятся не только и даже не столько к вопросам правового регулирования, но прежде всего к вопросам национального суверенитета, который укрепляется путем нормативной правовой работы, работы в сфере экономического и инновационного развития, постоянного присутствия страны на этом участке своей территории во всех сферах общественной жизни: материальной, институциональной,

информационной, финансовой и др. Отсутствие нормативного правового регулирования вахтовой и авиационной деятельности в высокоширотных районах реально подрывает основы национальной безопасности и суверенитета в Арктике.

Необходимо признать возможность для всей Арктики нормативных правовых экспериментов «прямо в поле», когда нормы и правила сочиняются и применяются оперативно, на местах, без жесткого следования очень забюрократизированной процедуре российского законодательства. Такое заточенное под конкретный проект законодательство способно повысить инвестиционную привлекательность Арктической зоны Российской Федерации для иностранных и российских инвесторов, существенно динамизировать все процессы ее освоения в условиях тотальной ограниченности бюджетных ресурсов и, следовательно, повысить уровень защиты суверенитета России на этих пространствах.

Нестабильность климатической динамики, потепление климата во многих частях Арктики и связанное с ним бесспорное резкое сокращение ледовитости в Северном Ледовитом океане — все это означает новые вызовы для национального суверенитета России в Арктической зоне. Удерживать суверенитет в таких условиях становится сложнее. Целесообразно формировать новые органы управления прибрежной зоной Арктики в целом, укреплять статус береговой охраны Арктической зоны и инициировать другие меры, чтобы совладать с этими быстрыми изменениями.

Литература

- Алаев, Э. Б., 1983. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. Мысль, Москва, 350.
- Баранский, Н. Н., 1980. Избранные труды. Становление советской экономической географии. Мысль, Москва, 285.
- Бредихин, А. Л., 2012. Суверенитет как политико-правовой феномен. Инфра-М, Москва, 128.
- Колосовский, Н. Н., 1969. Теория экономического районирования. Мысль, Москва.
- Космачев, К. П., 1974. Пионерное освоение тайги: экономико-географические проблемы. Наука, Новосибирск.
- Лаженицев, В. Н., 2015. Социально-экономическая география и междисциплинарный синтез в изучении Севера и Арктики России, в: Пространственная экономика 4, 117–130.
- Маергойз, И. М., 1986. Территориальная структура хозяйства. Мысль, Москва, 304.
- Моисеев, А. А., 2009. Суверенитет государства в международном праве. Восток-Запад, Москва, 383.
- О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. О разработке основ государственной политики и Стратегии развития деятельности Российской Федерации в Антарктике. Ежегодный доклад (2012 год)*, 2012. Изд. Совета Федерации, Москва, 114.
- О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Доклад по актуальным проблемам реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации (январь — июнь 2013 года)*, 2013. Изд. Совета Федерации, Москва.
- О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Ежегодный доклад Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального Собрания РФ (2016 год)*, 2016. Изд. Совета Федерации, Москва, 335.
- Пилясов, А. Н., 2014. Сравнительный анализ национальных арктических стратегий, в: Ягья, В. С., Лагутина, М. Л., Немчинова, Т. С. (под ред.), Актуальные проблемы мировой политики в 21-м веке: сб. статей. Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, Санкт-Петербург, 308–341.
- Сергунин, А. А., 2010. Суверенитет: эволюция концепта, в: Политэкс 6, 4, 5–21.
- Смирнова, О. О., Липина, С. А., Кудряшова, Е. В., Крейденко, Т. Ф., Богданова, Ю. Н., 2016. Формирование опорных зон в Арктике: методология и практика, в: Арктика и Север 5, 148–157.

Четыркин, В. М., 1960. Средняя Азия. Опыт комплексной географической характеристики и районирования. Изд. САГУ, Ташкент.

Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages, 2015. Larsen, J.N., Fondahl, G. (Eds), TemaNord, Nordisk Ministerråd, Copenhagen, 500.

Flint, C., Taylor, P., 2011. Political Geography — World-economy, Nation-state and Locality, Routledge.

Для цитирования: Пилиасов А. Н. Суверенитет как экономико-географический феномен (на примере трендов развития Арктической зоны РФ) // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 280–299. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.305>

References

- Alaev, E. B., 1983. *Sotsial'no-ekonomicheskaiia geografiia: poniatiino-terminologicheskii slovar'* [Social-economic geography: conceptual-terminologic dictionary]. Mysl', Moscow, 350. (in Russian)
- Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages, 2015. Larsen, J.N., Fondahl, G. (Eds), TemaNord, Nordisk Ministerråd, Copenhagen, 500.
- Baranskii, N. N., 1980. *Izbrannye trudy. Stanovlenie sovetskoi ekonomicheskoi geografii* [Selected articles. Evolution of the Soviet economic geography]. Mysl', Moscow, 285. (in Russian)
- Bredikhin, A. L., 2012. *Suverenitet kak politiko-pravovoi fenomen* [Sovereignty as political and judicial phenomenon]. Infra-M, Moscow, 128. (in Russian)
- Chetyrkin, V. M., 1960. *Sredniaia Aziia. Opyt kompleksnoi geograficheskoi kharakteristiki i raionirovaniia* [Middle Asia. The Experience of comprehensive geographical survey and regionalization]. SAGU Publ., Tashkent. (in Russian)
- Flint, C., Taylor, P., 2011. *Political Geography — World-economy, Nation-state and Locality*. Routledge.
- Kolosovskii, N. N., 1969. *Teoriia ekonomicheskogo raionirovaniia* [Theory of economic regionalization]. Mysl', Moscow. (in Russian)
- Kosmachev, K. P., 1974. *Pionernoie osvoenie taigi: ekonomiko-geograficheskie problemy* [Pioneer development of taiga: economic-geographical problems]. Nauka, Novosibirsk. (in Russian)
- Lazhentsev, V. N., 2015. *Sotsial'no-ekonomicheskaiia geografiia i mezhdistsiplinarnyi sintez v izuchenii Severa i Arktiki Rossii* [Socio-economic geography and interdisciplinary synthesis in the research on the North and Arctic of Russia], in: *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economy] 4, 117–130. (in Russian)
- Maergoiz, I. M., 1986. *Territorial'naia struktura khoziaistva* [Territorial structure of the economy]. Mysl', Moscow, 304. (in Russian)
- Moiseev, A. A., 2009. *Suverenitet gosudarstva v mezhdunarodnom prave* [Sovereignty of the state in the international law]. Vostok-Zapad, Moscow, 383. (in Russian)
- O sostoianii i problemakh zakonodatel'nogo obespecheniia realizatsii osnov gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neishuiu perspektivu. O razrabotke osnov gosudarstvennoi politiki i Strategii razvitiia deiatel'nosti Rossiiskoi Federatsii v Antarktike. *Ezhegodnyi doklad (2012 god)*, 2012. [About the state and problems of the judicial coverage of implementation of the foundations of the state politics of the Russian Federation in the Arctic till 2020 and further. Annual Rep., 2012]. Izd. Soveta Federatsii, Moscow, 114. (in Russian)
- O sostoianii i problemakh zakonodatel'nogo obespecheniia realizatsii strategii razvitiia arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii i obespecheniia natsional'noi bezopasnosti na period do 2020 goda. *Doklad po aktual'nykh problemam realizatsii strategii razvitiia Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii (ianvar' — iun' 2013 goda)*, 2013. [About the state and problems of the judicial coverage of implementation of the Strategy of development of the Arctic zone of the Russian Federation and protection of the national security till 2020. January — June 2013]. Izd. Soveta Federatsii, Moscow. (in Russian)
- O sostoianii i problemakh zakonodatel'nogo obespecheniia realizatsii strategii razvitiia Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii i obespecheniia natsional'noi bezopasnosti na period do 2020 goda. *Ezhegodnyi doklad Soveta po Arktike i Antarktike pri Sovete Federatsii Federal'nogo Sobraniia RF (2016 god)*, 2016. [About the state and problems of the judicial coverage of implementation of the Strategy of development of the Arctic zone of the Russian Federation and protection of the national security till 2020. Annual report. 2016]. Izd. Soveta Federatsii, Moscow, 335. (in Russian)
- Piliasov, A. N., 2014. *Sravnitel'nyi analiz natsional'nykh arkticheskikh strategii* [Comparative analysis of national arctic strategies]. Yagya, V. S., Lagutina, M. L., Nemchinova, T. S. (Eds), *Aktual'nye problemy mirovoi politiki v 21-m veke: sb. statei*. St. Petersburg University Press, St. Petersburg, 308–341. (in Russian)

Sergunin, A. A., 2010. Suverenitet: evolutsiia kontsepta [Sovereignty: evolution of the concept], in: *Politeks* 6, 4, 5–21. (in Russian)

Smirnova, O. O., Lipina, S. A., Kudriashova, E. V., Kreidenko, T. F., Bogdanova, Iu. N., 2016. Formirovanie opornykh zon v Arktike: metodologiya i praktika [Formation of the support zones in the Arctic: methodology and practice], in: *Arktika i Sever* [Arctic and North] 5, 148–157. (in Russian)

For citation: Pilyasov A. N. Sovereignty as an economical and geographic phenomenon (employing trends in the development of the Arctic zone of the Russian Federation). *Vestnik SPbSU. Earth Sciences*, 2017, vol. 62, issue 3, pp. 280–299. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.305>

Статья поступила в редакцию 20 июля 2017 г.

Статья рекомендована в печать 6 октября 2017 г.

Контактная информация

Пилиасов А. Н. — доктор географических наук; pelyasov@mail.ru

Pilyasov A. N. — Doctor of Geography; pelyasov@mail.ru